

ПУТЬ ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Хоть убей следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!..*

Пушкин

Эта книга написана для идущих, для тех, кто еще не «имеет», но хочет «иметь», хочет — глубоко и искренно. Эта книга написана для сомневающихся — не ироническим, разьедающим и, в сущности говоря, уже отрицающим сомнением, но вопрошающим, творческим сомнением, идущим из глубины сердца. Таким сомнением в свое время сомневались Сократ, Блаженный Августин и Декарт, и сомнение их нашло себе творческое преобразование и привело их к *очевидности*.

Наше время ни в чем так не нуждается, как в *духовной очевидности*. Ибо «сбились мы» и «следа» нам не видно. Но след, ведущий к духовному обновлению и возрождению, найти необходимо и возможно. И мы найдем его.

Каким способом?

Естественным, который вообще дан человеку: *углублением в себя*. Не в свою личную, чисто субъективную жизнь, не в свои колеблющиеся, беспредметные «настроения», не в праздную, гложущую и разлагающую рефлексию. Но в свое *сверхличное, предметно-насыщенное, духовное достояние*. Пусть оно будет невелико, пусть оно будет подобно *искре*. Но в искре есть уже сила искренности, ибо искра есть пылинка вечного, божественного пламени...

Нельзя сомневаться «во всем», даже в самом сомнении своем. Это уже смерть и тление. Сомнение, если оно есть, испытывается остро и мучительно, оно подлинно, оно несомненно, оно есть *воля к истине*, рожденная *любовью и жаждою уверенности*. Кто так сомневается в Боге и в правде, тот уже *любит* Бога и правду; и любовью он их найдет, ибо их вообще можно найти *только любовью*. Такое сомнение — духовно, оно уже *есть живой дух*, и человеку, который *так* сомневается, духовный опыт уже открыт и доступен.

Итак, эта книга написана для сомневающихся, для тех, в ком живет *такое* сомнение. Она пытается *указать* им путь. Не пройти этот путь за них или с ними, а лишь указать. Идти человек может только сам, в своем внутреннем духовном опыте, который неизбежно приведет его к внешним поступкам; ибо настоящий и зрелый духовный опыт всегда выражается и заканчивается в целостных и творческих делах. Ни жить, ни творить «за других» нельзя. Жить и творить должен каждый *сам*. И это удастся ему тем больше и тем лучше, чем глубже он укоренится в своем *собственном*, выстраданном и вымоленном духовном опыте...

Эта книга пытается указать *только путь*. Она скромна по своим задачам. Она ни по одному вопросу не высказывает *всего*, что хотелось бы высказать; и каждая глава ее таит в себе целое исследование, иногда даже не одно; опытный и зоркий глаз увидит это сразу. Здесь изложено только то необходимое, путеводное, *без чего нельзя начинать*, что прежде всего надо довести в себе до очевидности, до полной и окончательной, непоколебимой и не угасающей уверенности — только те основы духовности, без которых нельзя начинать самую борьбу за родину. Это первые, фундаментальные вопросы, *вопросы бытия*. Мало прочесть «о них», прочтя, надо *решить* их для себя. Они выдвинуты здесь в противовес и в отпор мировому соблазну нашего времени. Но решив их с силою очевид-

ности, нельзя надеяться на свои силы при встрече с этим соблазном.

Этот соблазн дан нам нашей эпохой. Но «человек не должен жаловаться на свое время: из этого ничего не выйдет; время плохое, ну что же, на то человек живет, чтобы сделать его лучше»... «Начинай же! Только этим ты сделаешь невозможное возможным» (Карлейль).

Современный мир переживает глубокий кризис — религиозный, духовный и национальный. Из него необходимо найти выход. Этот выход надо каждому из нас найти прежде всего *в самом себе*, творчески создать его, убедиться и удостовериться в его верности. И только потом можно будет указать его другим. Надо *самому начать быть по-новому*. Обновленные люди, одолевающие соблазн, найдут друг друга. Найдя, они заткут новую ткань духовного бытия. Это единственный путь. Иного нет.

Задача моей книги — указать на этот путь и утвердить его верность.

Автор
1932–1935

Глава первая

О ВЕРЕ

*Прежде всего снимай с очей
ума твоего покровы, содержащие
его в ослеплении.*

Феофан Затворник

1. МЫ ВСЕ ВЕРИМ

Есть у нас довольно распространенное воззрение, будто люди могут прожить жизнь без всякой веры и будто «образование», а в особенности «научное образование», — несовместимо с верою. Образованный человек, думают люди, не может верить: он слишком много «знает» и «самое существенное» он уже «понял»; так, например, он знает, что все совершается по законам природы и что эти законы природы рано или поздно будут изучены, во что же ему еще «верить»? Сущность культуры и прогресса сводится к следующему: *идет просвещение, а вера уступает и исчезает*. Согласно этому, верить могут лишь те, кого еще не коснулось просвещение; но вот придет время — они будут просвещены и перестанут верить, ибо на самом деле всякая *вера* есть не что иное, как *суеверие*. Итак: будущее принадлежит просвещенному безверию и безбожию.

Тот, кто хочет зорко и верно видеть происходящее и, особенно, понять и одолеть переживаемый нами духовный кризис, должен прежде всего вдумчиво отнестись к этому воззрению и критически разобраться в нем; ибо он укрывает в себе не одно роковое недоразумение или заблуждение.

Бесспорно, есть немало людей, которые не верят *в Бога*. Но это совсем не значит, что они *ни во что* не верят и что поэтому их можно причислить к людям, живущим без всякой веры. Ведь возможно, что они верят не в Бога, а во что-то другое... Во что же? В нечто такое, что они принимают за главное и существенное в жизни, что действительно *для них* и есть *самое важное*, чем они дорожат и чему они служат, что составляет предмет их *желаний и стремлений*. Такое отношение и есть отношение *веры*; и кто имеет такой предмет, тот верит в него.

Этим мы вскрыли первое недоразумение, первый пред-рассудок: люди обычно думают, что «верить» это то же самое, что «признавать истину». На самом деле это не так: вера есть нечто гораздо большее, более творческое и более жизненное. Мы все считаем «истиною» — таблицу умножения, геометрические теоремы, химические формулы, географические данные, установленные исторические факты, законы логики; мы совершенно уверены в том, что они верны, что мы спокойно можем пользоваться этими истинами и применять их в жизни. Мы это и делаем, и притом уверенно и успешно: высчитываем, путешествуем, строим, наблюдаем природу, спорим, доказываем, составляем и принимаем лекарства и т. д. И что же? Все выходит, удается, подтверждается. То, что мы признали в теории за истину, оказывается и на практике правильным и верным. И мы все это знаем, и согласно этому мы в жизни и действуем. Но о *вере* здесь нет еще и речи...

«Верить» — это гораздо больше, чем «признавать за истину». И так обстоит и в теории, и на практике. Есть холодные истины, к которым мы и относимся холодно; мы устанавливаем их и пользуемся ими равнодушно или, самое большее, с некоторым «уважительным интересом». Мы узнаем о них и признаем их, не воспринимая их глубиной нашей души; мы подтверждаем их и соглашаемся «опираться» на них теоретически и практически, отнюдь не отзываясь на них сердцем. Они дают нам известную

уверенность, но только во второстепенных делах, *не* в главных и важнейших вопросах нашей жизни. Они светят нам наподобие уличных фонарей, без которых нам было бы и неудобно, и неуютно, но душу нашу они не согревают и не воспаляют. Тысячу раз мы пройдем мимо них, или примем их во внимание, или даже воспользуемся ими без того, чтобы *могучие и творческие источники* нашей души пришли в движение; напротив — там все остается безразличным, молчаливым и неотзывчивым. Кто из нас начнет «верить» — в классификацию химических элементов, открытую Менделеевым, в таблицу логарифмов, в хронологический обзор событий XIX века, в горную карту Европы или Азии? И даже тот из нас, кто усомнится в этих «законах» или «истинах» и начнет критиковать их или опровергать — поколеблется не в *вере*, а только в *познавательной уверенности*.

О вере позволительно говорить только там, где истина воспринимается глубиной нашей души, где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа, где говорит сердце, а на его голос отзывается и остальное существо человека, где снимается печать именно с этого *водного ключа* нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь.

Человек верит в то, что он воспринимает и ощущает как *самое главное* в своей жизни. Скажи мне, что для тебя самое важное в жизни, и я скажу, во что ты веришь. Душа твоя прилепляется к тому, во что ты веришь, как бы живет и дышит им; ты *желаешь* предмета своей веры, ты ищешь его; он становится источником твоей *радости* и остается им даже тогда, когда тебе его не хватает. Здесь пребывают твои чувства и твоё воображение. Словом, здесь *реальный центр* твоей жизни: тут твоя любовь, твоё служение, тут ты идешь на жертвы. Здесь твоё сокровище, а где сокровище твоё, там и сердце твоё, там и *вера* твоя.

И вот, сколько бы мы ни искали, мы не найдем такого человека, который *ни во что* не верил бы. Чем глубже заглянем мы в человеческую душу, тем скорее мы убедим-

ся, что человек без веры вообще не может жить, ибо вера есть не что иное, как *главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки.*

Правда, не всегда легко установить, к чему прилепляется и тянется тот или другой человек... Иными словами: где бодрствует его душа? где она загорается? что для нее выше всего? в чем сокровище его жизни? где он способен жертвовать? Может быть и так, что он и сам этого не знает; или еще так, что, по-видимому, он в течение всей своей жизни «ни во что не верил»: явно относился ко всему безразлично, оставался тепло-прохладным; он как бы прозябал всю свою жизнь, не имея никакого реального центра, ни от чего не зажигался; нигде душа его не вела интенсивной жизни, не было у него сокровища, ничему он не служил и не жертвовал. Однако жизненные наблюдения заставляют нас установить, что такие люди, такие безразличные, «проблематические» натуры, являются обычно людьми с *дремлющею верою.* Пока над водами жизни царит безветрие, кажется, что их душа пребывает в тихой дремоте: мертвенно повисли паруса, малые волны повседневной жизни катятся мимо них без цели и смысла: ни воли, ни свершений, ни судьбы. Но *жизненная буря* может изменить всю эту картину. Потрясенная, возмущенная, может быть, раненая, душа пробуждается ото сна, собирается с силами, отличает главное от не главного, приемлет важнейшее и священное, совершает свой выбор, решение следует за решением, поступок за поступком — и жизненный корабль, руководимый верою, плывет на всех парусах. И если присмотреться к человеку в такой жизненный час, то всегда обнаружится, что процесс внутреннего отбора и оформления совершался уже давно — но в глубине, сокрытой от глаз, и как бы в некоторой медлительности. Где-то там, в таинственной тишине, уже возникала «твердь среди воды» и «свет» уже отделялся от «тьмы»... Но вот настал час страдания и воззвал голос великой беды; и что же? — все сложилось и созрело

в кратчайшее время так, как если бы оно только и ожидало этого часа и этого голоса. Можно было бы сказать: зная уже развевалось — но мрак царил, и его не было видно; и исповедание уже сложилось — но пребывало в безмолвии; и выбор был уже совершен, и путь был предначертан — и оставалось только пойти по этому пути...

Жить на свете — значит *выбирать и стремиться*; кто выбирает и стремится, тот *служит* некоторой *ценности*, в которую он верит. Все люди верят: и образованные и необразованные, и умные и глупые, и сильные и слабые. Одни сознают, что они верят, другие верят, не сознавая этого. Одни знают и то, что они *верят*, и то, *во что* они верят, а может быть, и то, *на каком основании* они верят. Другие верят просто, не зная этого за собою и, может быть, ни разу в жизни не подумав, во что же это они, собственно говоря, верят и есть ли у них какие-нибудь *основания* для этой веры. Но вера всегда остается *первичной силой человеческой жизни* — совершенно независимо от того, понимают люди это или нет. Человеку дана возможность дорожить своей верой, беречь ее, укреплять, очищать и углублять, как бы строить ее и воздвигать на ее основе свое мирозерцание и свой характер, формировать ее содержание в виде догмата и символа веры, создавать на этом фундаменте церковь и богослужение, превращать ее во всеохватывающую целокупность жизни и смерти. Однако человек имеет и другую возможность: пренебрегать своею верою, оставляя ее на произвол случайностей, пронизывать ее предрассудками и суевериями, превращать ее в слепой и разрушительный фанатизм или же отводить ей один уголок своей души, и притом самый трусливый и лицемерный. Человек может заблуждаться в своей вере и идти по ложным путям; он может разочаровываться в своей прежней вере и отходить от нее; хуже того, он может изменять своей вере по расчету и «продавать» ее. Но в одном человеку отказано, одного он не может: именно — *жить без веры*.

2. ВЕРА И ЖИЗНЬ

Кто однажды поймет и продумает это, тот перестанет делить людей — на живущих «с верой» и живущих «без веры», или, во всяком случае, тот перестанет придавать этому условному и неточному делению прежнее значение; и благодаря этому он избавится от многих мнимых проблем, от целого ряда бесполезных парадоксов. Напротив, он поставит новый и чрезвычайно поучительный вопрос: во что же, собственно говоря, верят так называемые «неверы»? И если он сам причислял себя доселе к «неверам», к «безрелигиозным» или «безбожникам» — то во что же он сам при этом *все-таки верил*? Потому что оказывается, что он сам все-таки во что-то верил; это уже установлено. Верят все: и тепло-прохладный «свободомыслящий», и воинствующий безбожник, и ожесточенный материалист; верят и социалисты, и коммунисты, и гонители христианства... И чем решительнее эти «враги веры» нападают, чем ожесточеннее их преследование и воздвигаемые ими гонения, тем яснее они обнаруживают, что у них есть в виду нечто такое, что они считают «главнейшим» и «важнейшим»; они воображают, будто владеют какой-то важнейшей и драгоценнейшей истиной, к которой они прилепились душой и волей. Они считают себя «неверами»? Они объявляют себя «безбожниками»? Пусть. Этим они хотят только подчеркнуть, что они не принадлежат ни к какому определенному исповеданию, кроме... собственного, разделяемого ими самими, что они не входят ни в какую церковную общину, кроме... своей собственной общины, которую они не хотят называть «церковью» (обозначая ее как «партию», или как «орден», или как «международное общество»)... Да, они не верят в Бога; но это означает, что они *верят не в Бога, а во что-то иное*. Они критикуют или поносят веру вообще... Этим они как настоящие *фанатики своей веры* объявляют, что они признают только *свою веру обоснованной*, единственно верной